

Александра Девиль

Эпоха Средневековья. Чтобы выполнить предсмертную волю отчима, прекрасная славянка Марина отправилась в полное опасностей путешествие. Сопровождавший ее жених с позором сдался в плен татарам-налетчикам, а сама она, бежав, угодила прямо в логово разбойников. Спас Марину мужественный римлянин Донато. Но что, если внезапно вспыхнувшая между ними любовь обернется для девушки новой угрозой?

Королева Таврики

Александра Девиль

Королева Таврики

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

ISBN серии

ISBN 978-617-12-5600-2

9 786171 256002

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5424-4

9 786171 254244

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

Александра Девиль

Королева Таврики

РОМАН

ХАРЬКОВ
2019

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
Д26

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Наталья Коноплич*

ISBN 978-617-12-5600-2 (серия)
ISBN 978-617-12-5424-4

- © Кравченко С., наследник, 2018
- © DepositPhotos.com / Yuliia Chupina, LuGrish, valuvitaly, kavita, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Пролог

250 год

Свет постепенно, проблесками, возвращался, и Аврелия не могла понять, сколько минут или часов она пребывала во тьме. Ей не хотелось выходить из забытья, потому что пробуждение могло оказаться слишком ужасным. Все еще витая на грани двух миров, она старалась восстановить в памяти события последних дней, закончившиеся бурным крушением у темных берегов чужой земли.

А ведь еще вчера измученным морской дорогой беглецам казалось, что их корабль, два месяца назад отплывший из Остии¹, уже через сутки приблизится к спасительным гаваням Вифинии и Понта²...

Но ветер, переменчивый, как судьба, внезапно задул со страшной силой, море взволновалось, вскипело, свинцовые облака закрыли солнце, и вокруг наступил мрак. Свирепый порыв бури разорвал и унес парус, а волны, вздымаясь, стали похожи на водяные горы. И небо своей яростью не уступало морю: стрелы молний прорезали тьму, гром сотрясал воздух чудовищными раскатами, ливень хлестал непрерывным потоком. И между двумя безжалостными стихиями — морской и небесной — металась, как беспомощная щепка, римская трирема, прошедшая долгий путь и уже, казалось, достигшая своей цели.

На корабле терпели бедствие римские христиане, бежавшие от жестоких гонений императора Деция. Они наняли судно, чтобы оно доставило их в Синоп, где у епископа Климента — отца Аврелии — были надежные друзья, связанные

¹ Остия — античный порт вблизи Рима.

² Вифиния и Понт — античные области на севере Малой Азии.

с давними общинами Малой Азии, находившимися, благодаря удаленности от Рима, в относительной безопасности.

Аврелия слышала, как кормчий сказал ее отцу, что буря относит корабль совсем в другую сторону — к берегам Таврики. Эта земля представлялась римлянам диким и страшным обиталищем звероподобных тавров и людоедов-листригонов. Остаток дня и ночь, пока потерявший управление корабль носило по бурным волнам Понта Эвксинского, христиане молились своему единственному Богу, а корабельщики и гребцы, бывшие по большей части язычниками, взывали к Юпитеру-Зевсу и Нептуну-Посейдону.

Ближе к утру, когда немного рассеялась тьма, кто-то из моряков заметил полоску земли, к которой буря гнала корабль. Этот мелькнувший на горизонте мыс показался кормчему опасным, ибо на пути к нему могли встретиться отмели и подводные камни. Климент тоже с мрачными предчувствиями всматривался вдаль. Он сам когда-то был мореходом и хорошо знал, чем грозит кораблю такое столкновение.

Аврелия дрожала и едва не падала в обморок от страха — не столько за себя, сколько за ту маленькую жизнь, которая зародилась у нее под сердцем несколько месяцев назад. Этот ребенок должен был родиться истинным христианином — христианином в третьем поколении, ибо Аврелия и ее муж Светоний были крещены при рождении, а их родители приняли христианство в молодые годы. Члены общины смотрели на дочь епископа почти как на будущую Богородицу, и Аврелия чувствовала гордость и трепет при мысли о предстоящем материнстве.

Юная женщина старалась сохранять мужество и не показывать своего отчаяния, но силы оставляли ее с каждой минутой. Отец и муж перед самым крушением корабля привязали Аврелию веревками к прочному деревянному ящику, в котором, как она знала, находились земные сокровища христиан и священные реликвии, превосходившие своей ценностью все мирские блага.

Последнее, что запомнилось Аврелии, был удар корабля о подводную скалу, сопровождаемый страшным треском и криками ужаса обреченных на гибель людей. Дальше все для нее покрылось мраком беспомыслия, в котором душа блуждала, не зная, где очнется: в мире живых или мертвых.

И вот теперь, осторожно приподняв веки, Аврелия услышала голос отца:

— Благодарю тебя, Господи! Она жива!

Измученное, осунувшееся лицо Климента склонилось над дочерью. Его запавшие глаза лихорадочно блестели, спутанные мокрые волосы прилипли ко лбу. Епископу было чуть больше сорока, но сейчас, после пережитых бедствий, он выглядел почти стариком.

Знатный римлянин, происходивший из всаднической семьи, Климент Наталис крестился еще в юности, под влиянием своей возлюбленной невесты Летиции. Потом они с Летицией обвенчались по христианскому обряду, и через год родилась Аврелия. А спустя еще три года Летиция умерла, так и не произведя на свет второго ребенка. После смерти жены Климент ревностно ушел в новую религию, доверив общине и свое имущество, и воспитание своей единственной дочери. Вскоре он стал влиятельным членом клира, а потом и епископом.

Новая вера все шире распространялась в империи, и многие знатные и состоятельные люди становились христианами. Но, беспокоясь о силе и богатстве христианских общин, Климент с тревогой замечал среди них ростки себялюбия и фанатизма. Епископы, пресвитеры, диаконы все больше возвышались над рядовыми членами общин, стали носить белые одежды и заявлять, что только они имеют право проводить молитвенные собрания и совершать служение Христу. Раньше диаконами могли быть и женщины, — и Климент готовил свою дочь к этой роли, — теперь же знатные клирики находили множество аргументов, чтобы обосновать непригодность женщин для духовного поприща.

Понимая, что дочь не станет диаконисой, но желая видеть ее безупречной христианкой, благочестивой женой и матерью, Климент выдал Аврелию за Светония — одного из самых преданных молодых проповедников своей общины.

Но пришло страшное время. Если раньше лишь отдельные христиане могли пострадать от доносов, самосудов или клеветы языческих жрецов, то теперь железный кулак Рима обрушился на всю новую веру. Император Деций говорил, что предпочел бы терпеть в Риме второго императора, но не христианских епископов. Укрепляя пошатнувшуюся власть империи, Деций при поддержке сената потребовал поголовной присяги всех подданных, объявил обязательным культ почитания гения императора. Проповедь же иной веры приравнивалась к государственному преступлению. Истинные христиане отказывались воскурить фимиам и принести жертву перед статуей императора. И тогда начались тюрьмы, пытки и казни, сопровождавшиеся конфискацией имущества общин.

Климент не мог допустить, чтобы в руки властей попала его беременная дочь и та священная чаша, которую с недавних пор ему доверено было хранить. И тогда он принял решение бежать из Рима. Община, возглавляемая Климентом, была богата, и все ее имущество, переведенное в золото и драгоценности, тоже отправилось в путь, чтобы на новом месте беглецы могли прочно обосноваться и начать новую жизнь. Но рок распорядился иначе...

Аврелия смотрела на отца своими огромными черными глазами, и этот взгляд казался таким отрешенным, нездешним, что Климент испугался за рассудок дочери.

— Аврелия, дитя мое, ты меня узнаешь?.. — спросил он дрогнувшим голосом.

— Отец... — прошептала она одними губами. — Мы с тобой живы?.. А как другие? Они тоже спаслись?

— Увы, больше никто из общины не спасся, — тяжело вздохнул Климент. — Корабль раскололся на куски. Может,

остались живы только несколько гребцов; я видел, как они уцепились за доску, но их отнесло далеко от меня и, наверное, прибило к берегу по другую сторону мыса.

— А все наши погибли?.. И Светоний?.. — сдавленным голосом спросила Аврелия.

— Бедная моя, мужайся. Бог оставил жизнь только нам с тобой... Вначале мы со Светонием держались рядом, уцепившись за ящик, к которому ты была привязана. Но потом ударила сильная волна и Светония отбросило в сторону. Он бы мог, наверное, спастись, если бы умел плавать. Но, на свое и наше горе, бедняга панически боялся воды и сразу же захлебнулся, пошел ко дну. И я не успел ему помочь. Да и нельзя мне было удаляться от ящика, оставлять тебя одну. Крепись, дочка. Горе твое велико, но Бог посылает нам испытания, может быть, для высших целей.

Аврелия не плакала. У нее не было слез. Она не раз видела, как рыдали и голосили жены по умершим мужьям, и сейчас в душе корила себя за то, что не плачет по Светонию. Она жалела его, как и других погибших, — но это была жалость человеколюбивой христианки, не похожая на неистовое горе женщины, потерявшей любимого человека. С детства воспитанная в строгом благочестии, выданная замуж по воле отца, Аврелия не любила мужа той любовью, которая бывает между мужчиной и женщиной и о которой она могла лишь смутно догадываться. Светоний был суровым, аскетичным юношей, и Аврелия слегка робела перед ним, воспринимая супружеские отношения как долг, освящаемый церковным обрядом ради продления человеческого рода.

Но, каковы бы ни были ее чувства к Светонию, в эту минуту любые чувства для Аврелии перекрывались страхом — страхом попасть в темную, мрачную неизвестность, где опасности со всех сторон угрожают ей, ее отцу и еще не рожденному ребенку.

Слегка приподняв голову, она взглянула в сторону моря и увидела, что разгул стихии постепенно идет на убыль.

Гроза утихла, и первые рассветные лучи пробились сквозь поредевшие облака, освещая морскую равнину, по которой катились пенистые гребни мощных, но уже не огромных волн.

— Мы в Таврике?.. — Аврелия испуганно и вопросительно взглянула на отца. — Что же нам делать?.. Одни, без друзей, без имущества...

— С нами наша вера в Спасителя, а это главное, — твердо заявил Климент.

Аврелии вдруг вспомнилось, что ее отец был хранителем Чаши, о которой никто в общине до конца не знал всей правды, догадываясь лишь о том, что таинственную и бесценную святыню епископ хочет отвезти на Святую землю.

— Отец, а как же Чаша?.. — дрогнувшим голосом выдохнула Аврелия. — Она теперь на дне морском?..

— Нет, дитя мое, она спаслась вместе с нами, — сказал епископ, отодвинув с лица дочери мокрую прядь ее длинных темных волос. — Ящик с нашими сокровищами на берегу. Но он в чужих руках.

Климент помог Аврелии подняться с земли и кивком головы указал на что-то за ее спиной. Она оглянулась и увидела шагах в десяти от себя человека, сидевшего на том самом ящике, в котором сосредоточилось все имущество погибшей общины. Оборванная мокрая одежда незнакомца свидетельствовала о том, что он тоже совсем недавно боролся с морскими волнами. Большая лодка рядом с ним казалась выброшенной на берег ночным штормом.

— Кто это?.. Дикарь, тавр?.. — испуганно спросила Аврелия.

— Пока не знаю. Но этот дикарь на своей лодке помог нам спастись, и мы должны быть ему благодарны. И, кажется, он не злобный. Я попросил его отойти в сторону, пока буду приводить тебя в чувство, и он не стал возражать.

Аврелия еще раз осторожно оглянулась на жителя Таврики и заметила, что он смотрит в ее сторону с нескрываемым любопытством. В его облике и выражении лица

не просматривалось ничего угрожающего, и это немного успокоило юную женщину. Она тихо сказала отцу:

— Может быть, это простой рыбак и он не сделает нам ничего плохого. Будем надеяться, что он даже не догадывается, на каких сокровищах сейчас сидит. Вот только как нам с ним объясниться? Ведь он, наверное, не понимает ни латыни, ни греческого, а мы не знаем здешних языков.

— Я рад, что ты не утратила способности здраво рассуждать. — Климент постарался улыбнуться, чтобы приободрить дочь. — Ты должна быть сильной — как христианка и будущая мать. А этот рыбак, кажется, знает греческий. Возможно, он грек, хотя и не похож.

— Так попроси его нам помочь. Пусть даст нам временное пристанище, а потом найдем корабль, чтобы выбрать из Таврики. Мы ведь можем заплатить за услуги?

— Да. Но при этом мы беспомощны, одиноки и бесправны, — вздохнул Климент. — В любую минуту он или кто-то другой может отобрать наши сокровища, а нас с тобою продать в рабство.

— Так что же нам делать?.. — вздрогнула Аврелия, подумав о насилии и позоре.

— Верить и бороться. Ведь Господь нас оставил в живых не даром — значит, бережет для какой-то миссии, — заявил Климент и, обратившись к незнакомцу, громко сказал по-гречески: — Спасибо тебе, рыбак! Ты спас меня и мою дочь.

Незнакомец встал и неторопливо подошел к спасенным римлянам. При ближайшем рассмотрении он оказался молодым парнем крепкого сложения с мужественным загорелым лицом, на котором выразительно блестели большие серо-голубые глаза. Белокурые волосы парня выгорели на солнце и составляли контраст с его темными бровями и ресницами. Аврелии вдруг подумалось, что так мог выглядеть могучий герой Троянской войны Ахилл, который, по преданиям, был родом из Таврики. Она слыхала, что в этих местах жили племена киммерийцев и скифов, а теперь еще

с севера сюда пришли сильные и жестокие готы, которые уже стали угрожать самой Римской империи. Светловолосый юноша мог принадлежать к одному из этих неведомых ей и опасных племен. Аврелия невольно поежилась, когда его пристальный взгляд пробежал по всему ее телу, облепленному мокрой одеждой. Живот будущей матери уже заметно округлился, и незнакомец, кивнув на Аврелию, обратился к Клименту на чистом греческом языке:

— Твоя дочь беременна? А где ее муж?

От удивления Аврелия и Климент на мгновение потеряли дар речи. Потом епископ обрадованно воскликнул:

— Так я не ошибся, ты действительно понимаешь греческий! Какая удача, что ты не тавр и не скиф. Ты из боспорских греков?

— Нет, я не грек, но живу здесь с малолетства и знаю греческий.

— Ты похож на северного уроженца, — заметил Климент. — Может быть, ты из племени готов?

— Нет. — Лицо парня исказилось недоброй гримасой. — Готы напали на наше селение, многих перебили, а иных взяли в плен и повезли в Таврику, чтобы продать в рабство. Мне было тогда десять лет, и я сбежал от них. Меня приютил старый грек Памфил, который заменил мне отца.

— Так кто же ты родом? — уточнил Климент.

— Греки зовут нас венедами и антами, а мы сами себя называем славянами.

— А! Я слышал о таком народе! — воскликнул епископ. — По преданию, апостол Андрей Первозванный ходил проповедать венедедов. Но вы так и не приняли истинную веру?

Однако молодого славянина, видимо, не очень занимали вопросы вероисповедания, потому что он посмотрел на Аврелию и вновь заинтересовался:

— Так где же твой муж?

Она отвела взгляд от его простодушно-любопытных светлых глаз и тихо ответила:

— Он утонул вместе с остальными нашими друзьями.

— Утонул? Значит, ты теперь вдова? — казалось, молодой варвар был даже обрадован. — Тогда ты и твой отец можете поселиться в нашей хижине. Мы с Памфилом живем небогато, однако же и не голодаем. Я хотел бы иметь жену, но поблизости нет красивых девушек. А уйти далеко я не могу, мне нельзя бросить Памфила одного, он совсем больной. А ты красивая, молодая, и мужа у тебя больше нет. Если ты станешь моей женой, я буду тебя защищать, заботиться о тебе. Как твоё имя?

Растерявшись, Аврелия хотела возразить напористому и неотесанному варвару, но, взглянув на Климента, встретила в его глазах предостережение. «Помолчи, я сам с ним объяснюсь», — сказал ей отец на латыни, а потом обратился к славянину на греческом:

— Ее зовут Аврелия, а меня — Климент. Но у нас не принято, чтобы женщина выходила замуж сразу, как только овдовеет. По обычаю ей надлежит несколько месяцев оплакивать покойного мужа. Однако спасибо тебе за помощь, которую ты предлагаешь. Мы с дочерью охотно поселимся в твоём доме и будем лечить твоего воспитателя Памфила, а также помогать тебе по хозяйству. Люди нашей веры не чуждаются никаких работ. Только помоги нам донести до твоего дома этот ящик.

Аврелия удивленно взглянула на отца, но он сжал ей руку и прошептал: «Пока у нас нет другого выхода, а там посмотрим».

Ящик все еще был обвязан веревками, и Климент хотел нести его вдвоем с рыбаком, но юноша, усмехнувшись, сказал:

— Не надо, ящик легкий, я и сам донесу. Только в руках такой держать неудобно, помоги поставить его мне на голову. А что у вас в этом ящике? Может, золотые монеты?

— У нас здесь реликвия, которая нам дороже золота, — уклончиво ответил епископ.

Скоро все трое двинулись прочь от берега, в сторону пологого горного склона, где между деревьями пряталась одинокая рыбацкая хижина. Молодой варвар шагал впереди, придерживая руками ящик у себя на голове, а следом на некотором расстоянии шли, поддерживая друг друга, Климент и Аврелия. Оглянувшись на нее, рыбак вдруг спросил:

— А как звали твоего мужа?

— Его звали Светоний, — ответила она печально.

— Светоний? — воскликнул он почти радостно. — Так у нас с ним даже имена похожи! Он Светоний, а я — Световид! Тебя сама судьба мне послала!

Аврелию покоробили слова варвара, который, ничтоже сумняшеся, сравнивал себя со Светонием — потомком одной из ветвей знатного римского рода, среди предков которого был даже знаменитый историк Светоний Транквилл. Глядя в широкую спину бодро шагавшего рыбака, она испуганно прошептала:

— Отец, этот варвар уверен, что я стану его женой. А вдруг он будет действовать силой?

— Надейся на лучшее, дочка, — так же тихо откликнулся Климент. — Похоже, что этот Световид не лишен доброты и мы сможем на него повлиять. Благодарение Богу, с нами не случилось самого страшного. Ведь мы могли попасть в руки береговых пиратов или кровожадных тавров. А этот юноша воспитан греком, и, стало быть, он не такой уж варвар, хоть и язычник.

Бедная рыбацкая хижина прилепилась к скале, рядом с пещерой, которая как бы служила ее продолжением. Но убогость этого жилья не смутила христиан, привыкших проводить молитвенные собрания в лесах и катакомбах. Гораздо больше Аврелию смущали откровенные пристальные взгляды молодого рыбака, вблизи которого ей предстояло прожить некоторое время.

Внутри хижины на тюфяке возле стены лежал старый грек Памфил, чье изможденное землистое лицо явно свиде-

тельствовало о сведавшей его болезни. Но на этом лице живо и осмысленно блестели глаза, окруженные черными тенями. Увидев вошедших, он слегка приподнялся и спросил:

— Это, наверное, после вчерашнего шторма?

— Да, их корабль разбился у мыса, — пояснил Световид и, сняв с головы ящик, поставил его в угол. — Девушка была привязана к ящику, а ее отец держался рядом. Их зовут Климент и Аврелия. Остальные все утонули.

Памфил слабым голосом заметил:

— Вот уж поистине, прав был мудрец Анахарсис, когда на вопрос, кого на свете больше — мертвых или живых, — тоже ответил вопросом: «А куда отнести тех, кто плывет по морю?» Да, корабельщики всегда находятся на толщину доски от смерти... — Грек перевел дыхание и обратился к пришельцам: — Судя по именам, вы римляне. Как же здесь оказались?

— Мы плыли из Рима в Синоп, но во время бури корабль отнесло совсем к другим берегам, — ответил епископ.

— Да, Таврика не лучшее место для благородных римлян, — хрипло усмехнулся грек. — Вы, наверное, христиане?

Климент и Аврелия переглянулись, удивленные его проныцательностью.

— Как ты догадался? — спросил епископ. — В Таврике уже знают о христианах и о гонениях?

— Таврика — не такой уж край света, — с философским видом заметил грек. — Однако я думаю, что сейчас вам надо не рассуждать о вашей вере, а согреться после морского купания и что-нибудь поесть. Вы сейчас слабы, измучены и можете заболеть, а со мной вместе это будет уже трое больных, слишком много на одного Световида. К тому же твоя дочь еще и беременна.

— Спасибо тебе за заботу, Памфил, — с поклоном отвечал ему Климент. — Ты и твой сын хоть и язычники, но добротой похожи на христиан.

— Может, мы не так уж добры, а просто видим в вашем спасении свою пользу, — со скрытой усмешкой пробормотал грек, но Климент сделал вид, что не услышал его или не понял.

Скоро епископ с дочерью сидели возле очага, разожженного Световидом, и сушили свою просоленную морем и все еще влажную одежду, завернувшись в куски полотна, которые рыбак вытащил из сундука в углу хижины.

Пока гости грелись у огня, хозяйка приготовили нехитрый ужин, состоявший из рыбной похлебки и лепешек с сыром.

Согревшись и насытившись, Аврелия почувствовала, что ее необоримо клонит в сон. Сквозь слипающиеся веки она увидела, как молодой рыбак занес в хижину топчан и, поставив его возле очага, накрыл меховой шкурой. Отец уложил сонную Аврелию на это спартанское ложе, которое, однако, показалось измученной страннице весьма уютным. Закрыв глаза, она сквозь дремотное забытие услышала, как отец о чем-то беседует с Памфилом, и успела подумать, что сейчас утро и совсем не время для сна, в который дочь епископа стремительно погружалась, даже забыв помолиться.

Проснувшись Аврелия среди ночи. Очаг давно погас, и слабой прохладой веяло из неплотно закрытой двери хижины. Повинуясь безотчетному порыву, Аврелия встала, обернулась в ткань, которой была укрыта, и вышла за порог. Небо, еще темное, с восточной стороны уже окрашивалось в серовато-голубые тона, что свидетельствовало о приближении рассвета. «Как же долго я проспала», — подумала молодая женщина, осторожно ступая по каменистой дорожке, ведущей от дома в сторону морского берега. Слева между деревьями мелькнул огонь, и, направившись к нему, Аврелия увидела костер, разожженный перед входом в пещеру. Возле костра сидел Световид и нанизывал на крючья рыбу, которую, очевидно, собирался коптить. Аврелия поняла, что рыбак ночевал в пещере, предоставив свою тесную

хижину гостям. Поежившись от ночной прохлады, она нерешительно приблизилась к живому огню. Световид посмотрел на нее с тем пристальным и откровенным любопытством, которое невольно смущало юную женщину. Сейчас он был в одних штанах, и его обнаженный до пояса торс казался в отсветах пламени отлитым из бронзы и напоминал статуи атлетов. Аврелия видела в молодом рыбаке лишь варвара, простодушное дитя природы, но не могла не отметить, что он недурен собой, а его диковатые повадки по-своему приятны. Он поманил ее рукой:

— Подходи смелее. Раз уж проснулась, то посиди рядом и поговори со мной. — Он пододвинул ей деревянный пенек, служивший скамейкой. — Хочешь есть? Скоро рыба испечется. Или, может, тебе хочется помыться? У нас после ливня набрался полный чан дождевой воды. Сейчас принесу.

Световид пошел к скале, по уступу которой вода во время ливня стекала, как по желобу, и взял стоявший внизу большой чан. Мускулы играли под загорелой кожей молодого рыбака. «Как легко несет он эту тяжесть», — вдруг подумала Аврелия и почему-то вспомнила хрупкого Светония, презиравшего ристания языческих атлетов.

— Вот, можешь помыться и сразу обсушиться возле огня, — предложил Световид, поставив чан рядом с костром. — Давай буду поливать тебе из черпака.

Он взял висевший на ветке дерева ковш с длинной ручкой и зачерпнул воды из чана.

— Не надо, я сама, — сказала Аврелия и протянула руку к ковшу, невольно выпустив при этом конец ткани, в которую была укутана.

Она тотчас поняла свою оплошность и придержала ткань, но было уже поздно: рыбак успел увидеть ее обнаженную грудь, и глаза его загорелись.

— Красивая! — сказал он, шагнув к Аврелии. — Не закрывай свое тело, я хочу на него посмотреть.

Она отступила и споткнулась, но он тут же удержал ее, схватив в объятия.

— Пожалуй, я не дотерплю до того срока, когда ты перестанешь оплакивать мужа, — заявил Световид, прижимая ее к себе. — Я же тебя спас, приютил, буду о тебе заботиться. Значит, я могу стать твоим мужем прямо сейчас.

Аврелия почувствовала, как гулко бьется его сердце, и ей стало страшно, что необузданный молодой дикарь сию минуту может взять ее силой, — и неоткуда будет ждать помощи, потому что ее несчастного отца этот белокурый силач способен прибить одной рукой. Напрягаясь в его объятиях и выставляя вперед локти, Аврелия испуганно выдохнула:

— Мы еще даже не связаны брачным обрядом, а ты уже...

— Так пусть твой отец сегодня же совершит этот обряд! — воскликнул Световид и, сдвинув вниз покрывало, которое Аврелия судорожно сжимала возле шеи, приник горячими губами к ее обнаженному плечу.

— Нет! Ты не должен меня трогать, пока я беременна, иначе прогневишь Бога и он покарает меня и тебя за этот грех!

Слова о Божьей каре насторожили рыбака, и он, ослабив объятия, удивленно спросил:

— За что ваш Бог нас покарает? Ведь никто, даже грозный Перун, не запрещает мужчинам и женщинам любиться.

В этот миг лихорадочно метавшиеся мысли Аврелии пришли в порядок и она нашла ответ, который годился и для Световида, и для нее самой:

— Я дала клятву, что не буду принадлежать ни одному мужчине, пока не рожу своего первенца. Дева Мария, Божья мать, познала своего мужа Иосифа лишь после того, как родила Божьего сына. И я разделю с тобой ложе лишь после того, как родится мой сын. Так я поклялась перед Богом — и не отступлю.

В ясных глазах молодого славянина отобразилось удивление:

— А откуда ты знаешь, что у тебя родится сын, а не дочь?

— Я знаю, что у меня будет сын, — твердо ответила Аврелия, которая в эту минуту и сама была убеждена в правоте своих слов. — Я даже придумала мальчику мирское имя, а христианское ему дадут при крещении.

— А ты какое имя придумала?

— Вчера в море мы с отцом словно получили второе рождение, и жизнь моего сына, наверное, будет связана с морем, по которому ему предстоит долго плавать в поисках Святой земли... — Аврелия вздохнула и, пользуясь тем, что Световид разжал объятия, отступила на несколько шагов назад. — Я назову его Маритимус, что значит «морской».

— Зачем же ему носиться по дальним морям? Он будет здесь, со мной, рыбачить недалеко от берега.

Световид шагнул к отступающей Аврелии, и в этот момент из хижины вышел Климент. С одного взгляда догадавшись, что происходит между его дочерью и Световидом, епископ кинулся к ним со словами:

— Аврелия, дочка, твоя одежда давно высохла, иди, надевай ее.

Сам Климент был уже одет и в руках держал платье Аврелии. Молодая женщина быстро подошла к отцу и стала чуть позади него, опасливо поглядывая на Световида. Климент с поклоном обратился к рыбаку:

— Спасибо тебе, добрый человек, за помощь, но позволь нам с дочкой ненадолго удалиться по нашим нуждам. Мы должны начинать утро с молитвы.

— Ну что ж... — пожал плечами Световид. — Вон за тем большим камнем есть источник, можете возле него и совершать свои обряды.

Климент и Аврелия проследовали в указанном направлении и скоро увидели родник, вытекающий из скалы и скрытый с одной стороны каменным выступом, а с другой —

зарослями можжевельника. Аврелия поспешно оделась, потом кинулась к источнику и жадно напилась чистой холодной воды, зачерпывая ее ладонями. Утолив жажду и умывшись, она села на ствол поваленного сухого дерева и, пока отец был у родника, торопливо прошептала слова молитвы.

— Я увел тебя в сторону, чтобы поговорить о важном, — сказал епископ, присев рядом с дочерью и перекрестившись. — Бог простит нас за краткость молитвы, но сейчас этот разговор нам должен ее заменить.

В предрассветном сумраке глаза Климента горели вдохновением и тревогой. Аврелии казалось, что после пережитых бедствий она уже ничему не может удивляться, но слова отца сразу же ее насторожили: она почувствовала, что сейчас он откроет ей нечто судьбоносное, связанное с высшими истинами.

— Дитя мое, — начал Климент, взяв дочь за руку, — слушай меня внимательно и запоминай. Когда-нибудь тебе придется пересказать все это своим потомкам. — Епископ немного помолчал, переводя дыхание. — Наверное, ты догадывалась, что цель нашего бегства из Рима — не только спасение христианских жизней, но и высокая миссия, которую мы должны исполнить. Я был в числе *посвященных*, и мне доверили вернуть на Святую землю вторую Чашу.

— Вторую? А разве их две?.. — замерла удивленная Аврелия.

— Их две, но они неотличимы одна от другой. Первая — та, из которой Христос причащал апостолов во время Тайной Вечери и в которую потом собрали его кровь. Иосиф Аримафейский был ее хранителем. Он со своими спутниками пошел в Месопотамию, в царство Озроена, где столицей был славный город Эдесса. Тамошний царь Эвалон после проповеди Иосифа принял христианство и с помощью ангелического всадника победил своих врагов. Этому царю Иосиф и доверил на хранение Чашу. В Эдессе уже

была христианская святыня — Святой Убрус, на котором отпечатался Нерукотворный образ Божий. Убрус был прислан царю Авгарю V самим Христом, и с помощью святого плата больной царь исцелился. Иосиф и другие проповедники хотели нести свет христианства как на Восток, так и на Запад, и рассудили, что должно быть две Святые Чаши — для двух христианских частей света. Вторая драгоценная чаша была сделана как копия первой. Ее обернули в Священный Убрус, и она обрела такую же святость, как была у первой. Оставив обе чаши на хранение христианскому царю Эдессы, Иосиф направился через Евфрат на Восток. Своим ученикам он завещал открыть тайну Чаши правителю Рима, когда тот будет готов принять христианство. Шло время, умирали святые проповедники и мученики, но их слова и деяния давали всходы, истинная вера расширялась все дальше на Восток и Запад. И недаром именно Озроена, где находилось несколько святынь, стала первым в мире государством, в котором христианство было провозглашено главной религией. Это случилось более тридцати лет назад, в правление царя Авгаря VIII. А через год следующий царь, Авгарь IX, был приглашен в Рим императором Каракаллой. Авгарь и священники Эдессы решили, что правитель Рима проникся новой верой и пора укрепить его в этом, подарив Святую Чашу, из которой он может принять причастие. Но по приезде в Рим Авгарь был схвачен и предательски убит, а Озроену император провозгласил римской провинцией. К счастью, одному из священников, сопровождавших царя, удалось спасти Чашу, и он передал ее на хранение римской общине, в которую впоследствии вошел и я. Теперь, когда начались гонения, язычники будут пытаться праведников и могут узнать о могуществе Святой Чаши и о значении ее для христиан. И потому мы решили увезти святыню подальше от опасностей и сохранить вторую Чашу вблизи тех мест, где хранится первая. Мой учитель, проповедник Татиан, перед которым

я преклоняюсь, обладал пророческим даром и предсказывал, что когда-нибудь одна из чаш прославится в Британии, а другая — в Византии, но искать их будут христианские воины по всему миру. И у истоков этой великой тайны находимся мы с тобой — гонимые, безвестные христиане, чьи имена затеряются во тьме веков. Да, именно нам, оставшимся в живых, дарована эта честь!

Но Аврелия не разделяла восторга, горевшего в глазах епископа. Тяжело вздохнув, она сказала:

— Мы остались в живых, но что с нами будет дальше? Одни, на краю света... Хорошо, если приютившие нас рыбаки окажутся людьми честными и помогут нам выбраться из Таврики. — Аврелия вспомнила горячие объятия Световида и засомневалась, что молодой славянин отпустит ее от себя. — Да и где уверенность, что по дороге на нас не нападут какие-нибудь злобные варвары? Как мы с тобой вдвоем, без охраны, сможем довести наши сокровища? Ты не так молод и крепок, чтобы пускаться в опасный путь, а я беременна...

— Неужели ты думаешь, дочка, что я всего этого не понимаю? Вчера, когда ты, совсем измученная, уснула, что неудивительно в твоем положении, я бодрствовал почти до вечера. Вначале беседовал с греком, а потом долго предавался размышлениям. Кстати, Памфил не глуп и вовсе не дик. Это сейчас он немощен и прикован к месту, но в молодости ему приходилось плавать во Фракию и Понт, а уж Таврику он знает от края до края. Он сразу догадался, что в ящике мы возьем какие-то сокровища, но не выказывал намерения их отобрать. Тогда я сам поведал ему всю правду, — а что мне оставалось делать? Грек сказал, что выбраться из Таврики с такими сокровищами в руках будет непросто. Ближайшее отсюда поселение — городок Сугдея¹, где живут аланы и греки. Но там сейчас неспокойно.

¹ Сугдея (Сурож, Солдая) — современный Судак.

Сугдея находится на окраине Боспорского царства, которое пришло в упадок из-за бесконечных распрей. Скоро племена готов будут хозяйничать по всей Таврике, а потом доберутся и до малоазиатских городов.

— Так что же нам делать? Куда бежать — на запад или на восток?

— Грек сказал мне, что к западу отсюда есть пещеры в горах, где могут обитать христиане — последователи тех первых мучеников, которых крестил еще Климент, ученик апостолов Петра и Павла. Как знаменательно, что у меня то же имя, какое носил римский святой, погибший в Таврике!

Аврелия знала историю святого Климента, третьего Римского Папы, рукоположенного самим апостолом Петром. 150 лет назад за свои проповеди Климент по приказу императора был сослан в Таврику, где вместе с учениками должен был трудиться в каменоломнях Херсонеса на самых тяжелых каторжных работах. Свято выполняя завет Вселенской церкви: «Пойдите и научите все народы», Климент стал проповедовать новую веру жителям города и округи. Он сотворил чудо: в безводных каменоломнях открыл источник пресной воды, на который указал ему в видениях ангел. После этого многие язычники стали принимать христианство и строить церкви в округе Херсонеса. Узнав об этом, римские власти осудили Климента на жестокую казнь: его привязали к корабельному якорю и живого бросили в пучину. Казнили и его учеников. Но в Таврике остались последователи святого, и они берегли свою веру.

— Значит, ты хочешь идти на запад Таврики, к дальним пещерам, чтобы там искать христиан? — догадалась Аврелия.

— Да, в этом наше с тобой спасение. Если мы не найдем христианскую общину, то будем в постоянной опасности и не выберемся отсюда. Но я не могу пускаться в путь

с сокровищами, их придется спрятать где-нибудь недалеко, в безлюдных горах. Памфил обещал мне, что его приемный сын покажет такое место, где есть незаметная для посторонних глаз пещера. Я спрячу там все, кроме Чаши. Чашу я возьму с собой, обернув в мешковину. Святыня укажет мне путь.

— Ты говоришь только о себе? — насторожилась Аврелия. — А как же я? Разве мы с тобой не вместе отправимся в путь?

— Я долго думал об этом, но решил, что тебе нельзя идти со мной. И Памфил не советовал брать тебя в дорогу. На меня, пожилого бедного странника, никто не обратит внимания, а молодая красивая женщина слишком заметна в этих диких местах. К тому же твоя беременность не позволит тебе идти по скользким камням или убежать от погони. Ты должна беречь дитя, которое носишь под сердцем. Поживешь у рыбаков, пока я буду добираться до святых пещер. Потом я вернусь за тобой — но уже не один, а с другими христианами.

— Но я боюсь оставаться здесь одна, без тебя!.. — сдавленным голосом прошептала Аврелия. — Отец, поживи и ты у рыбаков некоторое время, окрепни после бедствий!

— Я могу задержаться здесь лишь на несколько дней, не больше. Нам нельзя оставаться в Таврике до зимы, корабли в зимнее время не плавают по Понту. Да и как ты будешь жить в этих суровых краях, когда наступят холода? Как будешь рожать ребенка? Нет, я должен поскорее отправиться в путь.

— А вдруг с тобой что-нибудь случится в пути?.. А если ты не найдешь христиан?..

— Не бойся, Чаша меня охранит, приведет к единоверцам и освятит те места, в которых я побываю. Так надо, так велел мне ангел, которого я видел сегодня во сне.

Аврелия знала, что отец верит вещим снам и возражать ему в этом бесполезно. Она тяжело вздохнула:

— Но позволь мне хотя бы сопровождать тебя до той пещеры, в которую ты спрячешь сокровища. Ты ведь не можешь доверить эту тайну одному лишь язычнику Световиду.

— Пожалуй, я могу тебя взять, если путь к тому месту окажется не слишком долгим и трудным. Что же касается Световида, то он хоть и язычник, но, мне кажется, не алчный до золота, и это меня успокаивает. Притом же я спрячу мешок с ценностями так, что ни один язычник до него не доберется. Сокровища будут охраняться христианским заклятием.

Аврелия на несколько мгновений задумалась, потом спросила:

— Но сможем ли мы сами потом отыскать это место, если оно такое укромное и неприметное? А вдруг что-нибудь случится с нами и со Световидом? Как сделать, чтобы эти сокровища не пропали для христиан?

— И об этом я подумал, дочка. Знай, что вместе с Чашей мне в наследство от Татиана досталась еще одна реликвия — осколок небесного камня, когда-то упавшего на Святую землю. Этим камнем можно начертить знаки на любой, самой твердой, скале, и знаки там останутся навечно. Но они будут скрыты от глаз людских до тех пор, пока на скалу не попадет небесная вода. У входа в пещеру, где мы спрячем сокровища, я нарисую хризму¹ на скале.

— И на ту скалу надо будет плеснуть дождевой водой, чтоб увидеть знак?

— Да. По этому символу ты сможешь найти тайник, если со мной что-нибудь случится.

— Я не хочу даже думать, что с тобой может случиться недоброе! — запротестовала Аврелия.

В эту минуту кусты рядом с ними раздвинулись, появился Световид и спросил:

¹ Хризма — раннехристианский символ (монограмма имени Иисуса Христа, стилизованная в виде креста).

— Вы все еще молитесь?

— Неужели ты боишься, что мы с дочерью сбежим? — невесело усмехнулся Климент.

— Нет, я этого не боюсь, — ответил рыбак с простодушной серьезностью. — Я знаю, что вы никуда не уйдете без тех предметов, которые в ящике. Они вам слишком дороги. Однако я пришел, чтобы позвать вас в дом. Памфил проснулся и хочет с вами поговорить.

Климент и Аврелия молча последовали за Световидом.

Памфил теперь не лежал, а сидел на своем низеньком ложе, подогнув колени и обхватив их руками. Вид у него был все такой же болезненный, но, казалось, он делал усилия, чтобы взбодриться.

— Ты уже все обсудил со своей дочерью, Климент? — обратился он к епископу. — Ты не передумал идти к Херсонесу, искать пещеры христиан?

— Нет, не передумал. Но дочь моя боится отпустить меня одного. Убеди ее, что мне ничего не грозит.

У Аврелии от волнения подкашивались ноги, и она тихо опустилась на топчан. Климент сел рядом с дочерью и ободряюще погладил ее по руке.

— Я не могу сказать, что твоему отцу совсем ничего не грозит, — вздохнул грек. — Но, поверь, если ты отправишься в путь вместе с ним, то это будет намного опасней для вас обоих. Твоя красота и благородное происхождение слишком заметны. Любой разбойник или кочевник — а их на наших дорогах хватает — обратит на тебя внимание и захочет взять себе или кому-нибудь продать. Отец, конечно, станет тебя защищать и поплатится за это жизнью. Значит, разумней, если он пойдет один. Я бы сам его сопровождал, да болезнь привязала меня к месту. А дать ему в спутники Световида тоже не могу, слишком дорог мне мой приемный сын, чтобы рисковать им ради чужеземца. Да и как мы с тобой останемся здесь одни, без Световида? Я беспомощный старик, а ты беременна, да и непривычна

к жизни в одинокой рыбацкой хижине. Так что, видишь, по всему выходит, что искать спутников-единоверцев Клименту придется в одиночку.

Аврелия опустила голову, понимая правоту грека, и про-
бормотала:

— Но я могу пойти вместе с отцом к тому месту, где он спрячет христианские ценности?

— Можешь, это не очень далеко отсюда, — сказал Памфил. — Туда вас поведет Световид, и обратно ты вернешься вместе с ним, а твой отец пойдет дальше, на запад.

— Может, проще в ближайшем порту договориться с корабельщиками, чтобы перевезли нас в Синоп? — осторожно предложила Аврелия.

— А ты думаешь, что путешествовать двоим беззащитным по морю безопасней, чем по суше? — хрипло усмехнулся Памфил. — Да и кто знает, на каких корабельщиков вы нарветесь? Среди них есть и такие, которые связаны с пиратами. Нет, без спутников вам никак не обойтись.

— И что же, я останусь жить здесь, у вас, пока отец будет искать христианскую общину? — растерянно спросила Аврелия. — Может быть, мне лучше перебраться в селение, где есть женщины?

Вместо ответа грек обратился к Световиду:

— Пойди-ка, сынок, да принеси нам печеной рыбы, она уже, наверное, готова.

Как только молодой славянин вышел, Памфил объявил Клименту:

— Твоя дочь поживет у нас. Я вижу, что она очень понравилась Световиду и он хочет взять ее в жены. — Заметив протестующий жест епископа, грек тут же добавил: — Не бойся, он ничего не будет делать насильно. Световид — простосердечный дикарь, но он не лишен благородства. После смерти моей жены Световид остался для меня единственным родным человеком на свете. Бог не послал нам с женою детей, но этот юноша из племени антов заменил

мне сына. Жизнь моя скоро оборвется, золота я на тот свет не возьму. А все, чего я хочу на этом свете, — помочь Световиду найти свое счастье. Я вижу, что с твоей дочерью он может быть счастливым.

— Ты хочешь, чтобы моя дочь навсегда осталась здесь, у вас?.. — сдавленным голосом спросил Климент. — Такова плата за вашу помощь?.. Но Аврелия беременна и оплакивает своего мужа, она не может даже думать о союзе с мужчиной.

— Я не сказал, что она останется здесь навсегда, — покачал головой Памфил. — Но на год — наверняка. Вряд ли твой путь к херсонесским пещерам и обратно окажется недолгим. А твоей дочери, судя по ее животу, месяца через три-четыре придется рожать, потом какое-то время она будет слаба после родов. Световид о ней позаботится. Когда же через год ты вернешься за ней и она скажет, что не хочет быть женой Световида, тогда ты можешь забрать ее отсюда. Но если к тому времени она тоже полюбит Световида, то они вместе выберут свою судьбу и вместе поедут в Синоп либо останутся здесь.

— Но он... он даже не христианин, — развел руками епископ.

— Так сделай его христианином хоть сегодня; юноша не сведущ в вопросах веры, и твоя дочь будет его просвещать.

— Я не знаю, что тебе ответить... — растерялся Климент.

Аврелии было обидно, что грек обсуждает с отцом ее судьбу, даже не спросив у нее, согласна ли она целый год жить рядом со Световидом. И в то же время некое подспудное и волнующее любопытство пробивалось сквозь эту обиду, делая ее не такой горькой.

Скрипнула дверь, и, оглянувшись, Аврелия встретила глазами с вошедшим Световидом. Во взгляде юноши она прочла уже знакомое восхищение и невольно смутилась, вспомнив его горячие объятия у костра.

— Хорошо пахнет печеная рыба, сейчас попируем, — улынулся Памфил. — Положи ее на стол, пусть остывает. А тем временем открой этот ящик, пусть Климент вытащит оттуда сокровища и перепрячет их в мешок — в самый грубый и неприглядный из мешков. А ящик нам здесь в хозяйстве пригодится.

Световид послушно выполнил указания Памфила, и скоро из ящика были извлечены два ларца: один с драгоценностями, другой — с Чашей. Климент дрожащими руками приоткрыл тот, в котором лежала заветная святыня. Почувствовав торжественность минуты, Аврелия встала и стиснула руки на груди. Взгляд ее был устремлен к Чаше... И вдруг неземное сияние коснулось ее глаз и она увидела, угадала свое будущее... Это длилось всего лишь миг, но за этот миг Аврелия поняла, что отец уйдет и она больше никогда не увидится с ним и ничего не узнает о его судьбе, что сама она родит сына Маритимуса и станет женой Световида, и будет иметь от него детей, и потеряет его в водовороте зловключений, и когда-нибудь обязательно вернется в Рим...

Глава первая

1379 год

Марину разбудил пронзительный крик матери:

— О горе!.. Андроник умирает!..

Девушка вскочила с постели и плеснула себе в лицо воды из кувшина, чтобы окончательно проснуться. Лучи сентябрьского солнца пробивались в окно, обещая ясный погожий день, но в доме Андроника Таги сейчас все было пронизано мрачным предчувствием беды. Марина вспомнила, что отчим еще с вечера жаловался на боли в животе, но потом выпил настойки, принесенной врачом, и, получив облегчение, уснул. Теперь же, услышав крики матери и стоны Андроника, девушка поняла, что болезнь навалилась на него с новой силой.

Наскоро одевшись, Марина кинулась в коридор, а оттуда — в комнату, где лежал больной. На кровати возле Андроника сидела его жена Таисия — мать Марины, а вокруг бестолково суетились две служанки и молчаливый раб Чугай — здоровенный, но слабоумный детина, которому поручалась в доме самая грубая работа, требующая одной лишь силы. Сейчас Чугая позвали, потому что Андроник, жалуясь не только на боль, но и на жар во всем теле, хотел, чтобы раб-силач вынес его во двор, где было прохладнее, чем в доме. Но Таисия возражала:

— Погоди, Андроник, может, тебя нельзя трогать с места! Сейчас придет Лазарь, за ним уже послано. Подождем, что он скажет.

Лазарь славился искусством врачевания не только в армянском контрадо¹ Айоц-Берд, но и во всей Кафе, и даже самые заносчивые из латинян его уважали.

¹ Контрадо — городские ячейки, своего рода кварталы, в средневековой Кафе (Феодосии), объединявшие людей по этническому и профессиональному признакам.

— Нет, я не дождусь его, я сгорю изнутри... — стонал больной.

Бледное лицо Андроника покрылось крупными каплями пота, редкие седые волосы прилипли ко лбу, изборожденному глубокими морщинами. Сейчас было особенно заметно, что он старше своей жены на тридцать лет. Сидевшая рядом Таисия выглядела его дочерью. Марине всегда казалось, что мать не любит отчима, а только уважает и, наверное, испытывает благодарность за то, что он обеспечил ей благополучную и спокойную жизнь. Но сейчас девушка видела, что мать искренне переживает и боится потерять своего пожилого ворчливого мужа. Впрочем, это было понятно: после смерти Андроника ей трудно будет справиться с делами купеческого дома, а приказчики и слуги вряд ли упустят возможность обмануть неопытную хозяйку. Конечно, у Андроника были друзья и родичи, но их Таисия всегда сторонилась, опасаясь, что они могут претендовать на часть наследства, хотя прямым и законным наследником был десятилетний Георгий — сын Андроника и Таисии, брат Марины.

Этот мальчик, которого мать-славянка называла Юрием, а отец-армянин — Геворком, стоял сейчас в стороне, испуганно таращил глаза на больного и беззвучно повторял слова молитвы. Обычно резвый, он притих, понимая, что надвинулась беда.

Служанки, отойдя в дальний угол и прикрывая рты ладонями, о чем-то шептались. Марине показалось, что они произнесли «чума». Это было страшное слово для приморского города. Чума, тридцать лет назад унесшая половину населения Европы, начинала свое губительное шествие отсюда, из Кафы, осаждаемой войсками золотоордынского хана Джанибека. Город был хорошо укреплен, и жители не собирались сдаваться: продовольствие они доставляли кораблями, а пресную воду получали из многочисленных источников. Потом в татарском лагере вспыхнула чума, и хан приказал забрасывать трупы умерших через оборонительные стены при

помощи катапульта. Болезнь оказалась страшнее любого оружия. Генуэзцы, спасаясь от заражения, покинули Кафу и ушли на кораблях в море, разнося по Европе черную смерть.

С тех пор для защиты от новых вспышек чумы в Кафе построили место, названное Карантин, а слово это происходило от итальянского «*quaranta giorni*» — «сорок дней». Сорок дней отстаивались суда в Карантине перед прибытием в порт и разгрузкой.

Марина вдруг вспомнила, что как раз вчера или сегодня заканчивался карантинный отстой большого торгового корабля, прибывшего из Генуи. Слуги, видимо, связали внезапную болезнь Андроника с этим кораблем. Наверное, решили, что врачи, проверявшие корабль, не разглядели заразу и она проникла в город. Теперь Марина поняла, почему все слуги вдруг куда-то попрятались и возле больного остался только слабоумный Чугай да те две служанки, которых Таисия никуда от себя не отпускала. Девушке стало страшно оттого, что мать так близко сидит возле Андроника, и она хотела что-нибудь сказать, но от страха и растерянности не находила слов. А больной страдальческим голосом выкрикнул, обращаясь к Чугаю:

— Неси меня во двор, иначе умру!

Раб уже наклонился, чтобы взять господина на руки, но тут в комнату вошел Лазарь.

Этот смуглый бородатый человек лет сорока пяти всегда производил внушительное впечатление на окружающих своим острым взглядом и резким голосом. Он был одет в балахон, напоминавший монашескую рясу, с капюшоном, надвинутым на голову. Такую одежду, дополненную еще особой маской для лица, носили «чумные» врачи, и Марина почувствовала новый прилив страха, подумав о том, что Лазарь тоже опасается заразы.

Врач подошел к больному, оглядел его шею, руки, ноги, пощупал пульс и живот, после чего откинул капюшон с головы и со вздохом облегчения сказал:

Літературно-художнє видання

Серія «Кохання крізь століття»

ДЕВІЛЬ Александра
Королева Таврики
(російською мовою)
Роман

Головний редактор *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. В. Колеснікова*

Підписано до друку 06.08.2019. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Literaturnaua». Ум. друк. арк. 20,16.
Наклад 5000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Любовь сквозь века»

**ДЕВИЛЬ Александра
Королева Таврики**

Роман

Главный редактор *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Колесникова*

Подписано в печать 06.08.2019. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 5000 экз. Зак. № .

Книжковый Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Доба Середньовіччя. Аби виконати передсмертну волю вітчима, чарівна слов'янка Марина вирушила у сповнену небезпек подорож. Наречений, що супроводжував її, ганебно здався в полон татарам-наскочникам, а сама вона, утікши, потрапила просто в лігво розбійників. Урятував її мужній римлянин Донато. Та що, як кохання, яке раптом спалахнуло між ними, обернеться для дівчини новою загрозою?

Девиль А.

Д26 Королева Таврики : роман / Александра Девиль. —
Харьков : Книжний Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. —
384 с. — (Серия «Любовь сквозь века», ISBN 978-617-12-
5600-2)

ISBN 978-617-12-5424-4

Эпоха Средневековья. Чтобы выполнить предсмертную волю отчима, прекрасная славянка Марина отправилась в полное опасностей путешествие. Сопровождавший ее жених с позором сдался в плен татарам-налетчикам, а сама она, бежав, угодила прямо в логово разбойников. Спас Марину мужественный римлянин Донато. Но что, если внезапно вспыхнувшая между ними любовь обернется для девушки новой угрозой?

УДК 821.161.1(477)